

шении особенно заслуживает нашего внимания следующая «нота» (так называл Ломоносов свои заметки): «*Qui obscure scribunt ignorantiam suam vel produnt inscii, vel tegunt consulto male. Confuse de iis scribunt quae confuse sibi imaginant*» («Те, кто пишут темно, либо невольно выдают этим свое невежество, либо намеренно, но худо скрывают его. Смутно пишут о том, что смутно себе представляют»).⁴²

Вполне естественно, что ясный, трезвый ум Ломоносова был враждебен и другому существенному принципу барочной идеологии — мистике. В его произведениях сторонники «барочной концепции Ломоносова», при всем желании, не смогут найти ни одного примера, ни одной фразы, которые позволяли бы сделать вывод, будто у него был интерес или склонность к подобному миропониманию. Для Ломоносова характерны факты как раз противоположного содержания. Так, в одной из своих «нот» он замечает: «*Quod scriptores illos mysticos spectat, qui scientiam suam tergiversantur communicare, illi cum minore existimationis suae damno minori-que lectorum suorum molestia eam doctrinam celarent, nullos scribendo libros, quam scribendo malos*» («Что касается тех мистических писателей, которые уклоняются от сообщения своих знаний, то они с меньшим уроном для своего доброго имени и с меньшей тягостью для своих читателей могли бы скрыть это учение, если бы вообще писали книг, вместо того, чтобы писать плохие»).⁴³ В другой группе заметок Ломоносова находим подобный же выпад против ученых, допускающих в своих научных построениях мистические толкования: «*Majestati naturae obscura fictionum somnia minime consentanea sunt*» («С величественностью природы нисколько не согласуются смутные грезы вымыслов»).⁴⁴

При подобном отношении Ломоносова к «мистическим писателям» и «*obscura fictionum somnia*» вполне закономерно, что и к «суеверию» он питал глубокую неприязнь, видя в последнем начало, враждебное науке, человеческому гению, человеческому разуму. Однако необходимо иметь в виду, что слово «суеверие» у Ломоносова являлось синонимом слова «религия», как языческой так и всякой другой. В своих рукописных «Риториках» (1744, 1747) он трижды упоминал «пример Лукреция о суеверии»;⁴⁵ в латинском тексте слову «суеверие» соответствует слово

⁴² Там же, т. 1, стр. 144. Перевод там же, стр. 145.

⁴³ Там же, стр. 144—145. В переводе, данном в «Полном собрании сочинений», слова «*suam scientiam*» переданы «своих знаний»; в таком случае иронический смысл фразы ослабляется. Точнее, по-моему, будет: «своей науки»; тогда насмешливый тон второй части фразы станет еще более заметным.

⁴⁴ Там же, т. 3, стр. 492—493.

⁴⁵ Там же, т. 7, стр. 219 (текст Лукреция со стихотворным переводом Ф. А. Пиотровского), стр. 63 (прозаический перевод Ломоносова) и стр. 228 (приписка Ломоносова о необходимости приведения примера из Лукреция).